

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЗАХІДНОЄВРОПЕЙСЬКОГО ЛІТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕСУ

АНТОНОВА В.Ф.
(УкрДазт)

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-РЕАЛИСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОЭТИКЕ БРИТАНСКИХ РОМАНТИКОВ

This article deals with the problem of identifying fantastic and historical-realistic elements and their realization in the texts in the works of the British romantic poets. Transformed numerous folk stories, legends, ballads, popular belief were used in their works.

Key words: *romanticism, folk creation, ballads, fantastic and historical-realistic elements.*

Целью данной работы является определение фантастических и историко-реалистических элементов и текстуальное воплощение в романтической балладе и легенде. Перспективным является определение критерия отбора индивидуально-авторских фантастических и историко-реалистических элементов, мотивация и их воплощения в произведениях британских романтиков.

Романтики, разочаровавшись в настоящей, реальной жизни, искали духовную опору в прошлом, тем самым, открыв принцип историзма в искусстве. С утверждением в сознании романтиков понятия историзма, с восприятием ими мира в движении, в развитии связана и одна из основных идей их философского мировосприятия – идея бесконечного. Этим объясняется небывалый подъем интереса к прошлому, ведь личность чувствовала себя увереннее, если могла ощутить себя звеном длительного исторического процесса или частью народного целого.

Историзм романтиков и отмеченные элементы диалектики сосредоточивали внимание на национальном прошлом своей родины, на особенностях национальной истории, национального уклада, быта, одежды. Народное творчество было для них подлинным носителем национального колорита, вне которого они не мыслили искусства.

Во всем громадном потоке публикаций старинных текстов эпического и балладно-песенного содержания баллады едва ли не сразу заняли особое место, сыграв во многих европейских литературах роль своеобразного катализатора в поисках новых выразительных возможностей языка поэзии. Формирование литературного лиро-эпического жанра баллады связано с интересом к произведениям англо-шотландского народного творчества на исторические темы, возникшими в эпоху предромантизма и романтизма в английской словесности. В балладах В. Скотта, Р. Саути разрабатывалась легендарно-историческая или сказочная тематика.

Романтическим устремлением авторов отвечали такие черты народной баллады, как элементы таинственности в сюжете, отрывистое повествование на воспроизведении наиболее напряженных моментов развития действия, трагическая развязка, драматичность диалогов. Возрождение старинной народной баллады надолго определило развитие английской поэзии: баллады Саути и В. Скотта, Кольриджа и Китса, значительная часть творчества Теннисона и прерафаэлитов.

Шотландская народная баллада не только вдохновляла В.Скотта на первые поэтические эксперименты, обогатив его стих выразительностью и поэтическими интонациями. Как мироощущение, как конденсация человеческого переживания в его остро ощутимой исторической конкретности народная баллада постоянно интересовала В.Скотта, давая пищу его уму и сердцу, доставляя писателю эстетическое наслаждение.

Источниками сюжетов баллад были христианские легенды, рыцарские романы, античные мифы и произведения греческих и римских авторов в средневековом пересказе, так называемые "вечные" или "бродячие" сюжеты, а также подлинные исторические события, стилизованные на основе готовых песенных схем. Мифологизм как мировоззрение сохраняется лишь в наиболее древних по происхождению балладах, а также в балладах, где в той или иной форме проступает их архаическая основа, В большинстве же "волшебных" баллад фантастические мотивы носят не мировоззренческий, а игровой характер, то есть, использованы как поэтический прием или в аллегорических целях. Именно фантастические баллады привлекают к себе внимание европейских романтиков, в том числе и английских (С. Кольридж, Р.Саути, В.Скотт) которые выдвинули их на первый план среди всего балладного наследия; однако в пору расцвета балладного творчества сказочные, фантастические баллады не занимают столь исключительного места и фантастика их не носит зловещего отпечатка. Фантастика, вводимая романтиками в поэтическое произведение, однако, не является целью. Она не только позволяет сблизить романтические баллады с устной народной традицией, а представляет собой скорее средство, благодаря которому становится возможным усиление драматического звучания, лирического и философского осмысления стихотворений.

Как известно, жанр литературной баллады приобрел широкую известность в эпоху романтизма, причем наибольшее внимание поэтов привлекали так называемые "страшные баллады", отличавшиеся привлечением всего богатого разнообразия народных мотивов, особенно образов народной фантастики. Этому существует несколько объяснений.

Исследователь Кристофер Доусон связывая их появление с изменением мировоззрения, отмечает, что наличие либо отсутствие элементов сверхъестественного в структуре произведения является показателем культурных процессов, протекающих в обществе [Dawson С. 1999].

В то время как искусство предшествующей эпохи просвещения в основном обращалось к античной традиции, романтики больше ценили творчество своего народа. Поэтому многие поэты одной из главных своих задач считали сохранение в своем произведении духа своей страны, поэтому "Феи, ведьмы и все остальные герои народной фантазии двенадцатого - шестнадцатого веков вливались в европейское искусство" [Scott 1902, с. 300].

С другой стороны, фантастический элемент, как правило, отражает интерес к взаимоотношениям между человеком и нематериальным миром, интерес к духовной стороне жизни [Оксфордский толковый словарь по психологии 2002, с. 165]. По замечанию В. Скотта, который старался найти объяснение такому необычному интересу к проявлениям сверхъестественного, "в Англии после Реформации вера, лишённая чудес католичества, искала пищу в народных суевериях" [Scott 1902, с. 301].

Кроме того, как уже отмечалось, балладные тексты, особенно это относится к "волшебным" балладам, отличает ярко выраженная дидактичность. Поэтому чудесное

там присутствует и как игровой элемент и выполняет ту же роль, что и сказочная фантастика. Автор вводит в повествование встречу с необъяснимой, тайной стороной жизни, в результате взаимодействия с которой своими поступками герой баллады определяет свою дальнейшую судьбу. Нравоучительность особенно присуща ранним литературным балладам, к которым относятся произведения С. Кольриджа, Р. Саути, В. Вордсворта.

Таким образом, возникает определенная сложность в трактовке сверхъестественных персонажей. Христианская религия отмечает наличие только двух классов духов - ангелов и демонов [Скотт, 1965, с. 12]. После прихода христианства феи, которые вряд ли могли претендовать на ангельское достоинство, были отнесены к существам inferнального порядка. Однако стоит учитывать, что принцип четкого деления сверхъестественных существ на ангелов и бесов, уместный в богословии, вряд ли полностью применим к литературному произведению.

Поэтому, обращаясь к анализу фантастической составляющей балладного текста, следует учитывать, что в художественном пространстве баллады автор создает свою, отличную от действительности реальность, служащую для достижения дидактических целей, либо для символического оформления идей нравственного выбора, поиска, исследования мотивов человеческих поступков. Соответственно, в балладе присутствует своя система фантастических элементов, авторская мифология, которую следует интерпретировать исходя непосредственно из тех задач, которые ставятся и решаются поэтом в данном тексте.

Текст баллады, как и практически любого художественного произведения нельзя рассматривать без учета более широкого исторического контекста. Особенно это важно при исследовании образно-символического уровня литературной романтической баллады, где наблюдается сложное взаимодействие народных, общекультурных представлений и авторского подхода к трактовке того или иного образа. Таким образом, произведение становится срезом культуры определенной эпохи, с которой опять же символический уровень произведения находится в непосредственной взаимосвязи.

Русский философ А. Ф. Лосев писал: "+ нет никакого бытия более реального, чем историческое. Ни одну логическую идею, ни одну художественную форму я не могу понять вне истории" [Лосев 1995, с. 81]. Если считается, что существует зависимость символического значения от семиотического контекста в рамках произведения, еще тем более представляется важным знание исторического контекста, а также условий появления жанра.

Балладная поэзия воскрешала не только бурные страницы истории, но и традиции народа и его стремления, свидетельствовала об отношении людей того времени к окружавшему их миру, к различным событиям, предоставляя богатый материал для авторских раздумий.

Баллада даже при отсутствии в ней исторических событий, поражает своим историзмом в силу отражения в ней особенностей общественных связей и нравов эпохи. Историзм в балладе условный, близок к историзму легенд, преданий, былин, то есть носит несколько мифологизированный характер. В исторических балладах условное средневековье создано творческим воображением автора, почти освобождено от бытового и исторического правдоподобия.

Ранние британские баллады напрямую связаны с легендами и сказаниями эпохи родового строя. Их отличает сосредоточенность на каком-то одном событии, как правило, жестоком и кровавом. Причины, предшествовавшие этому событию, и

сопутствующие обстоятельства обрисованы лишь намеком, что придает балладе таинственность.

Но не только исторические события лежат в основе сюжетов таких баллад. Старинные народные песни не просто дополняют скурые факты истории сведениями о событиях, неизвестных хроникам, а дают яркое представление о человеческих отношениях, о том, как мыслили и говорили, что переживали и чувствовали далекие предки современных англичан и шотландцев. Из истории читатели, прежде всего, узнают, что делали люди, а из баллад - какими они были. Непосредственно познакомившись с помощью баллад с образом жизни, нравами и обычаями давно ушедших поколений, мы можем лучше понять сочинения летописцев.

В том мире, в котором жили герои баллад, не было времени на долгие размышления. Необходима была мгновенная ориентация посреди угрожающих событий. Ответить ударом на удар, совершить набег на соседа, штурмовать замок, обороняться среди ночи от внезапно напавшего противника - такая жизнь среди неожиданностей и опасностей вырабатывала особые нравы и вместе с тем идеалы общества, находящегося в состоянии непрерывной и беспощадной войны.

Таким образом, концентрированность на одном событии, вокруг нескольких драматических вершин придает сюжету баллады особую напряженность, заставляя читателей с вниманием и волнением следить за развивающимся перед их глазами действием, за судьбой героев. Сосредоточенность на определенном событии, на переломном моменте в судьбах страны и отдельных героев сочетается в балладе с фрагментарностью повествования. Подобная черта особенно характерна для ранних баллад и является одним из важнейших свойств устной поэзии.

В балладе всегда заключена какая-то неясность, что-то недосказанное или необъяснимое: неопределенность образов и туманность описываемых событий. Ключковатость повествования, строфы, налетающие одна на другую, как ряд видений, теснящиеся в воображении сказителя, едва успевающего их выразить в словах, - такова особенность многих старинных баллад. Примечательной стилевой особенностью баллады является то, что сверхъестественное и необычайное выступает вполне заурядно, не в отвлеченных гиперболических формулах, а на уровне обыденного сознания, вдруг сталкивающегося с какой-либо загадкой бытия.

Излюбленная коллизия романтизма - дуализм личности: дьявольщина толкает на путь преступления, предательства, насилия. Отсюда проистекает мотив двойничества, который обыгрывается романтиками в прозе и стихах. Баллада с ее неявной фабулой, которая не прочитывается до конца, но лишь угадывается, оказалась в этом плане наиболее привлекательным жанром лирики. Объяснить это довольно трудно, если учесть, что средневековое сознание было буквально пронизано верой в чудеса и принимало существование чертей, домовых и леших как самоочевидный элемент повседневности.

Балладная поэзия воскрешала не только бурные страницы истории, но и традиции народа и его стремления, свидетельствовала об отношении людей того времени к окружавшему их миру, к различным событиям, предоставляя богатый материал для авторских раздумий.

Жанр баллады становится одним из наиболее предпочтительных в романтическую эпоху. Это объясняется тем, что баллада с более всего соответствовала эстетическим принципам романтизма, удовлетворяя интерес к истории, народному творчеству и фантастике. В балладах историческое время выступает как таковое, а датировки событий опускаются.

Что же касается исторически реальных действующих лиц, то они выступают не как создатели истории, а скорее как ее жертвы. Это объясняется тем, что главный сюжетный стержень романтической баллады - неотвратимость расплаты за грехи. Британские романтики в своих произведениях опираются на двоеверие, то есть их произведения носят языческий характер, но при этом они уже привносят этику греха и покаяния. В самом деле, сюжеты баллад, уходящие в глубокую древность, принадлежат к так называемым "бродячим сюжетам", имевшим нередко общие индоевропейские корни. Несомненно, целый ряд баллад воссоздает сюжеты, относящиеся к периоду, когда христианство утверждалось в европейском сознании, борясь с язычеством.

Британский романтизм сосредоточен на проблемах развития общества и человечества в целом. Британским романтикам присуще ощущение катастрофичности исторического процесса. Поэты "озерной школы" (У.Вордсворт, С.Кольридж, Р.Саути) идеализируют старину, воспевают патриархальные отношения, природу, простые, естественные чувства. Творчество поэтов "озерной школы" проникнуто христианским смирением, им свойственно обращение к подсознательному в человеке.

Литература

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. - М.: Искусство, 1995. - 320с. Dawson C. Religion and the Romantic Movement [Electronic resource] - 01.12.1999./Mode of access:<http://www.geocities.com/dawsonchd/articles/Dawson6.htm>. Scott W. Introduction to the Tale of Tamlane, On the Fairies of Popular Superstition / Sir Walter Scott // Minstrelsy of the Scottish Border / Ed. T. F. Henderson. 4 vols. - Edinburgh: Blackwood, 1902. - V. II. - P. 300-405. Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера. - М.: АСТ / Вече, 2002 г. - 592 с. Скотт В. Вводные замечания о народной поэзии и о различных сборниках британских (преимущественно шотландских) баллад // Собрание сочинений в двадцати томах. - М.-Л.: Художественная литература, 1965. - Т.20. - 673 с.

МАЙБОРОДА Р. В.

(Николаевский гос. ун-т им. В. А. Сухомлинского)

АДРЕСАТ КАК КОНСТАНТА КАЖДОГО КОММУНИКАТИВНОГО АКТА

In the given article such complicated concept as an addressee of the communicative act is under investigation. The author of the article reveals the desire of the writer of any literary work to reach the successful communication between him and the reader. The author's point of view is clearly reflected in the fact that any literary work is a dialogue which can be studied as the co-operation of the writer's and the reader's knowledge of the same text, where the reader gives the estimation of the work and the task of the writer is to satisfy his needs.

Key words: *reader's activity, addressee of the literary work, a real author, an implicit reader*